

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга «Социально-экономическая трансформация в России» объединяет ряд статей, посвященных самым различным аспектам преобразований последних десяти лет преимущественно в экономической сфере. Характерной особенностью представляемого издания является междисциплинарный подход к изучаемому объекту. А потому, не удивительно, что в названном разделе объединили свои исследовательские усилия не только экономисты, но также социологи и историки.

Действительно, взгляд историка и социолога на экономические проблемы переходного общества является весьма плодотворными и с методологической точки зрения, и с точки зрения интерпретации фактических данных, представленных молодыми учеными. Заметим, что многие из них проводили большие самостоятельные исследования, связанные с репрезентативными социологическими опросами, а также переработали внушительный массив архивных данных.

Вопрос же о том, насколько правомерно и по сей день называть российское общество «переходным» или «трансформационным», а следовательно, актуально ли само название настоящей книги, остается в значительной степени дискуссионным. Какими критериями мы должны руководствоваться, относя экономику той или иной страны к «переходной» или к «рыночной»? Очевидно, что количество и качество социально-экономических преобразований должно достигнуть неких критических, или пороговых значений, перешагнув которые мы можем сказать: «Ну, вот мы и достигли, наконец, цивилизованной рыночной экономики»... Но каковы эти пороговые значения? И, что немаловажно, как их количественно измерить? Объемом ВВП, производимого в частном секторе? Количеством собственников акций? Количеством принятых «рыночных» за-

конов, позволивших либерализовать цены, движение капитала, трудовых ресурсов и т. п.?

Размышления над этими проблемами затрагивают, в частности, и критерии экономической безопасности, чему посвящена первая из статей книги **«Проблемы экономической безопасности России в контексте рыночной трансформации»** С. А. Афонцева. Действительно, термин «безопасность», помимо словосочетания «экономическая безопасность» используется в связке с таким количеством прилагательных (национальная, продовольственная, экологическая, информационная, региональная и т. д.), что ведет скорее не к прояснению, а усугублению методологической неразберихи в этой сфере научных исследований. Именно *методологическим аспектам* анализа экономической безопасности автор уделяет ключевое место. На основании критического разбора многочисленных работ отечественных и зарубежных авторов С. А. Афонцев делает вывод о важности методологически и терминологически выверенного определения «экономической безопасности», которое он и предлагает в своей насыщенной напряженным аналитическим поиском статье. Думается, что она заинтересует не только экономистов, но и специалистов в области международных отношений, а также политологов.

В эпоху информационного общества, когда интернет и высокотехнологичные отрасли заставили говорить о «новой экономике», *сетевизация* представляется чем-то более серьезным, нежели охват все большего количества жителей нашей планеты «Всемирной паутиной». Речь идет о том, что более адекватным реальности становится рассмотрение общества не с точки зрения методологии неоклассической школы (общество атомизированных индивидов), а с точки зрения *сетевых структур*. Сеть, согласно концепции М. Кастельса, выдающегося современного социолога, становится структурной единицей анализа¹. В статье Г. В. Градосельской **«Сетевой анализ как метод исследования современных трансформаций»** раскрываются преимущества сетевого анализа социально-экономических процессов по сравнению с традиционным экономическим подходом неоклассической школы с ее «экономичес-

ким империализмом». В частности, автором отмечается, что «универсальность сетевых подходов проявляется и в том, что они позволяют рассмотреть исследуемый объект (будь то домохозяйство или социальный институт) с междисциплинарной точки зрения». Значительное место в статье Г. В. Градосельской отводится анализу сетевизации домашних хозяйств в современной России. Именно такой подход, т. е. рассмотрение деятельности домашних хозяйств через «призму» сетевизации, позволяет ответить на вопрос, поставленный в начале 2000 г. известным британским социологом Теодором Шаниным — «Почему до сих пор не умер русский народ?»².

Создание предпосылок для устойчивого экономического роста является важнейшей задачей правительства во всех постсоциалистических странах. И здесь особый интерес представляет методология исследования и обработка эмпирического материала, связанного с различными показателями макроэкономической конъюнктуры. Неоценимый вклад в исследование проблем экономического роста, экономических циклов, системы национальных счетов, неравенства в распределении доходов и др. внес выдающийся американский экономист, лауреат Нобелевской премии Саймон Кузнец, чей столетний юбилей отмечается мировой экономической общественностью в 2001 г. Анализу творческого наследия С. Кузнеца посвящена работа И. В. Филатова **«Теоретическое наследие С. Кузнеца и проблемы модернизации постсоциалистических стран»**. Работа И. В. Филатова интересна, во-первых, анализом исследовательской программы Кузнеца, а во—вторых, использованием модели неравенства в распределении доходов, известной как *«кривая Кузнеца»*. На основании фактических данных о распределении доходов в России с использованием децильного коэффициента автором делается вывод о том, что в период начального этапа рыночной модернизации в России 1990-х гг. дифференциация доходов населения резко усиливается. Такой итог исследования соответствует модели Кузнеца, которая констатирует, что на начальных этапах индустриальной модернизации неравенство в распределении доходов увеличивается во всех странах. Конечно, мы должны сделать оговорку,

что в настоящий момент в России наблюдается переход иного типа, связанный с эрой глобализации и становлением информационного общества. Тем не менее, общий вывод, который можно сделать на основе идей Кузнецца, заключается в том, что в периоды резких технологических и социально-экономических сдвигов усиление дифференциации доходов выглядит не случайностью, а закономерностью. А раз так, то наши претензии к провалам действий правительства в социальной сфере должны быть если не смягчены, то, по крайней мере, должны учитывать ограниченность его маневров в силу вышеуказанной закономерности.

Исследованию «человеческого фактора» посвящены следующие три работы книги. В насыщенной богатым фактическим материалом статье В. С. Тяжелниковой **«Отношение к труду в советский и постсоветский период»** прослеживается трудовая этика крестьянства и рабочих с весьма отдаленных от нас времен, т. е. с конца XIX — начала XX века. При этом автор использует принятое в социологии различие между «минималистской» (традиционной) и «максималистской» трудовой этикой. Для анализа современных реалий в области трудовой этики россиян важно ясно представлять себе их истоки. Здесь мы сталкиваемся с тем, что в терминах неонституциональной экономической теории принято называть *«path dependence»* (зависимость от прошлого пути развития). Можно сожалеть об упадке трудовой морали в «постперестроечное» время, но чего можно было ожидать от людей, если весь предшествующий путь сопровождался патернализмом в области трудовых отношений, принуждением к труду, прикреплением рабочих к промышленным предприятиям, а «...идеократия, — как отмечает автор статьи, — стала причиной того, что современные этические установки стали развиваться в сфере теневых отношений». Заметим, что нигилистическое отношение к труду, в том числе и в «максималистском» его варианте, особенно ярко отражается в русских пословицах и поговорках: «От трудов праведных не наживешь палат каменных», «Работа не волк, в лес не убежит», «Пусть трактор работает — он железный» и т. п., включая и насыщенные ненор-

мативной лексикой. Всему этому обилию цинизма противостоит, пожалуй, только хрестоматийное — «Без труда не вынешь рыбку из пруда». Таким образом, экономические реформы в России вряд ли можно считать законченными до тех пор, пока не сформируется иная трудовая этика, отвечающая тому, что принято называть рыночным поведением.

Рутины советского времени воспроизводятся и в такой сфере, как организационная культура предприятий, чему и посвящена статья О. А. Родина **«Развитие организационной культуры как индикатор и катализатор социально-экономических реформ в России»**.

По мнению автора статьи, «организационная культура — это ценностно-нормативная парадигма («кредо») жизнедеятельности организации, получающая выражение в ее материальных аспектах, поведении, сознании и даже подсознании работников». Рассматривая характерные черты организационной культуры современных российских предприятий, связанные со многими наслоениями «советского менеджмента» и соответствующему ему отношению к труду наемных работников, автор предлагает собственную модель реформирования организационной культуры, представленную в виде оригинальной схемы.

Российский финансовый рынок имеет короткую историю, но дает вполне достаточное количество материала, позволяющего сделать определенные обобщения при описании поведения экономических субъектов на финансовом рынке. Эти обобщения сделаны в статье Н. Н. Иващенко **«Становление механизма взаимодействия на финансовом рынке России: население и финансовые структуры»**, основанные на проведении ряда социологических опросов в Нижегородской области. Российские кредитно-финансовые учреждения имеют дело не с вкладчиками вообще, а различными сегментами финансового рынка, представленного различными группами со свойственными им характерными чертами.

Как отмечается в статье, существуют три основных элемента социально-экономического механизма финансовой сферы, выделенные эмпирически на основе серии исследований,

проведенной с 1992 по 2000 гг.³: активное финансовое поведение (I группа); рутинно-эволюционное поведение (II группа) ; показное финансовое поведение (III группа). Анализ каждого из выделенных элементов позволяет наглядно представить структуру взаимодействия экономических субъектов на финансовом рынке России со всеми его противоречиями и нерешенными проблемами.

Особое место в исследовании проблем социально-экономической трансформации занимают проблемы вхождения России в мировой рынок, связанные с необходимостью повышения конкурентоспособности российских товаров. Это и явилось предметом анализа статьи С. В. Барсуковой **«Международная маркетинговая деятельность ТНК в условиях глобализации: уроки для России»**. Несомненно, характерным признаком рыночной экономики является ее открытость. Но как открытие рынков для потоков капиталов, товаров и рабочей силы воздействует на наших отечественных производителей, десятилетиями не испытывавших потребности в выработке в сколь-нибудь осознанной конкурентной политики в условиях ресурсоограниченной экономики? Автором статьи анализируется как опыт глобальной маркетинговой деятельности ТНК (в том числе и на российском рынке), так и вырабатываются рекомендации для конкретных мер государственной политики, направленной на содействие отечественному бизнесу в усилении его конкурентных преимуществ.

В заключение можно отметить, что картина современной российской действительности, представленная в книге, благодаря междисциплинарному подходу в ее исследовании, становится ничуть не более простой, хотя и более «яркой». И на наш взгляд, это большой плюс подобного подхода, поскольку лишний раз доказывает, что в решении проблем реформирования экономики России готовых рецептов и однозначных решений не существует.

Киселева Е.А.
к. э. н., профессор.

Примечания:

¹ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. / М. Кастельс. - М., 2000. С. 27, 492.

² Шанин Т. Почему до сих пор не умер русский народ? / Т. Шанин // «Эксперт». — 2000. № 1-2. 17 января.

³ В тексте статьи приводятся результаты серии исследований финансового поведения населения в 1992—2000 гг., проведенных коллективом Научно-исследовательского центра (Н. Новгород). Н. Н. Иващенко являлась научным руководителем и ответственным исполнителем этих проектов.